

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2022. Том 26, № 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 398.1
ББК 82
DOI 10.18522/1995-0640-2022-3-104-118

**УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ В СТАНИЦЕ РАЗДОРСКОЙ
УСТЬ-ДОНЕЦКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
ОБЩЕЕ И ЛОКАЛЬНОЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ ЛЕТА 2010 Г.)**

Александра Фёдоровна Лицарева

Московский колледж управления, гостиничного бизнеса и информационных технологий «Царицыно», Москва, Россия

Посвящается светлой памяти Т. Б. Диановой

Аннотация. Проанализированы тексты, позволяющие выявить распространенные общие и локальные черты в воспоминаниях о Великой Отечественной войне, отмечены некоторые интересные уникальные мотивы. Цель исследования – показать эти особенности на примерах фрагментов устных рассказов конкретного населенного пункта, на глазах жителей которого проходили боевые действия, вследствие чего людям приходилось выживать, спасать родных и близких, нажитое имущество, взаимодействовать с соседями, делать нравственный выбор, по мере сил помогать советским солдатам и сосуществовать с врагами. Выделены мотивы, характерные для записанных в разных регионах устных рассказов о войне, уникальные и принадлежащие фольклорной традиции.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, устные рассказы, локальное, общие места, уникальное в воспоминаниях, полевая практика

Для цитирования: Лицарева А.Ф. Устные рассказы о войне в станице Раздорской Усть-Донецкого района Ростовской области: общее и локальное (по материалам экспедиции лета 2010 г.) // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022. № 3. С. 104 – 118.

Original article

**ORAL STORIES ABOUT THE WAR IN RAZDORSKAYA,
UST-DONETSK REGION, ROSTOV REGION:
THE GENERAL AND THE LOCAL
(BY THE MATERIALS OF THE SUMMER 2010
EXPEDITION)**

Aleksandra F. Litsareva

Moscow College of Management, Hotel Business and Information Technologies
“Tsaritsyno”, Moscow, Russia

Dedicated to the blessed memory of T. B. Dianova

Abstract. The article analyzes texts that allow to identify common and local features in the memoirs of the Great Patriotic War, some interesting unique motifs are noted. The purpose of the study is to show these features on the examples of fragments of oral stories of a particular settlement, in front of the eyes of the inhabitants of which hostilities took place, as a result of which people had to survive, save relatives and friends, acquired property, interact with neighbors, make moral choices, help the Soviet people to the best of their ability, soldiers and coexist with enemies. The motifs characteristic of oral stories about the war recorded in different regions, unique and belonging to the folklore tradition, are singled out.

Key words: *Great Patriotic War, oral stories, local, common places, unique in memories, field practice*

For citation: *Litsareva A.F. Oral Stories about the War in Razdorskaya, Ust-Donetsk Region, Rostov Region: the General and the Local (by the Materials of the Summer 2010 Expedition) // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2022. № 3. P. 104 – 118.*

I. Введение **Актуальность**

В связи с тем что уже несколько послевоенных поколений недостаточно хорошо знают историю «священной войны», в которой победа советского народа имела огромное значение для всего освобожденного от фашизма мира, информация о героическом прошлом прадедов россиян намеренно искажается. Сведения, которые ранее молодежь получала из уст переживших войну людей, сейчас берут из соцсетей. Нередко в наши дни учителя, политики, журналисты говорят о том, что активно реализуется доктрина Аллена Даллеса (приписывается главе ЦРУ в 1953–1961 гг.), представляющая собой план нравственного и морального разложения жителей страны, которую не смогли победить оружием. Поэтому именно знание истории (не только в цифрах, но и на примере конкретных судеб), память о ее героях важны, чтобы не было повторения ошибок прошлого. Угроза возрождения нацизма и фашизма оказалась возможна спустя более полувека после окончания боевых действий и победы над «коричневой чумой», после смены поколений, переживших события II Мировой войны (для России – Великой Отечественной). Устные рассказы, отражающие конкретный опыт, через который показаны история семьи, конкретной местности и история страны в целом, более живо и ярко, чем статистические данные, повествуют об ушедшей эпохе.

Есть различия не только в воспоминаниях людей, живших в разных советских республиках, но и в соседних областях или краях. Много записей о зверствах врага сделано в принявших на себя удар первыми регионах (в Белоруссии, Смоленской области частотны рассказы о сожженных фашистами вместе с жителями деревнях). Различаются в нарративах преобладающие над остальными мотивы у людей, переживших блокаду, живших в оккупации, работавших в глубоком тылу, угнанных в концлагеря и на работу к немецким хозяевам. Это голод, унижения, тяжелая работа, зверства врага и др. Отличается и отношение врага к местным жителям на разных этапах войны в зависимости от задач и от

потерь вражеской армии. Влияет на это и то, какие войска (особенно жители боялись карательных отрядов) входили в населенный пункт, кто был в их составе (частотны записанные в разных регионах России рассказы о жестокости предателей, в т. ч. с Украины и прибалтийских республик, а также входящих в состав вражеской армии венгров, румынов и финнов). Различны нарративы советских солдат и партизан. Кроме того, многое зависит от личности рассказчика, его возраста, условий, в которых он жил или сражался. Важным было, в составе какой армии и на каком фронте воевал боец, в каких войсках. Влияет на мировосприятие национальность рассказчика (в связи с геноцидом отдельных народов гитлеровцами). Повсеместно распространены рассказы о казнях евреев, спасении от фашистской расправы еврейских детей местными жителями или, наоборот, предательстве соседа. «Следует учесть, что на содержание нарративов в немалой степени влияет последующий опыт респондентов, их профессиональный и общественный статус. Как правило, руководители ветеранских организаций, а также фронтовики, имевшие опыт предыдущих выступлений в учебных заведениях и других местах, стремятся в своих описаниях не выходить за рамки общепринятых в публичном пространстве представлений. Те же, кто никогда прежде не делился своими рассказами с интервьюером, чей опыт пребывания на фронте оказался по разным причинам не отмечен государственными наградами, нередко сомневаются в его ценности» [Кринко, 2020а, с. 18].

Нарративы о войне объединяет пронизывающее их общее настроение, патриотический настрой рассказчика, во многом связанный с идеологией. В текстах отражены мотивы праведного гнева по отношению к врагу, тяжелой работы, беспокойства за судьбы воюющих или угнанных в неволю родственников. Часто речь идет о примерах проявления воинской доблести, мужества, героизма, самоотверженности, взаимовыручки, а также сострадания, милосердия, веры в победу над врагом.

Материалы и методы исследования

Методологической базой исследования послужили сравнительно-исторический, структурный и типологический методы, метод сравнения вариантов. На методическом уровне использованы приемы систематизации и анализа фольклорной прозы.

Материал

Приведенные в качестве иллюстраций тексты записаны студентами филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова во время одной из экспедиций в станицу Раздорскую под руководством кандидата филологических наук Татьяны Борисовны Диановой, хранятся в архиве кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ (АКФ). Некоторые воспоминания жительницы станицы Раздорской А.А. Давыдыч опубликованы руководителем многих фольклорных экспедиций на Дон Т.Б. Диановой [Дианова, 2014, с.

36–37]. Данные тексты включают наиболее типичные для местной традиции мотивы: объявление войны по радио и песня «Священная война», непонимание детьми причин слез взрослых, предчувствие уходящим на войну солдатом своей гибели, письма с фронта, гибель отца, бомбежки, голод, холод, отсутствие хорошей одежды, немецкая оккупация, жестокие забавы немцев, учеба в холодной разбомбленной школе, наказание ребенка за воровство, работа детей в колхозе. «Как правило, это яркие и болезненные воспоминания, которые не стираются из памяти спустя многие десятилетия» [Васильев, 2014, с. 32].

История вопроса

Устные рассказы о Великой Отечественной войне всё чаще попадают в поле зрения фольклористов в наши дни, когда мало остаётся свидетелей событий тех лет. В связи с этим воспоминания о войне несут не только повествовательную функцию (рассказ из первых уст о том, как было на самом деле), но и воспитательную, поскольку молодежь с каждым годом всё хуже знает историю, а примерами для подражания у многих становятся не герои войны, деды и прадеды, прославленные земляки, а звезды шоу-бизнеса и вымышленные персонажи американских фильмов.

«Фольклористы с первых же дней войны считали своим патриотическим долгом зафиксировать все, что пели и рассказывали советские люди, справедливо видя в этих произведениях выражение народных мыслей и чувств» [Соколова, 1975, с. 7]. Даже во время блокады ученые вели записи, общаясь с бойцами и трудящимися. Акцент был сделан на героической составляющей рассказов о войне. В целом приоритет оказался отдан традиционно считавшимся фольклорными жанрам: частушке, песне, сказке, паремиям и др. «Названная тема не стала предметом специального интереса диалектологов и этнолингвистов, фиксировавших этот материал, но, однако, он не исключался из текстов экспедиционных отчетов» [Власкина, 2010, с. 198].

В то же время были периоды, когда интерес к записям текстов о войне ослабевал. Современная молодежь порой не знает, что День Победы официально не праздновали с 1947 по 1965 год, он был рабочим днем. Среди объяснений, полученных от разных информантов старшего поколения, – отсутствие времени на празднование, когда нужно восстанавливать страну из руин; страх представителей государственной власти перед участниками войны: опасение насчет возможности смелых высказываний и действий со стороны фронтовиков, попытка отстранения их от политической жизни. Называют также вероятной причиной возможную боязнь И.В. Сталина посягательства на его власть со стороны Г.К. Жукова. «Интенсивное накапливание фольклорных материалов Великой Отечественной войны, их публикации и разработка продолжались вплоть до конца 40-х – начала 50-х годов, после чего наступает спад. Одной из причин ослабления внимания к фольклору Отечественной войны явилось неправильное представление о нем как о проводнике

культы Сталина. Такое представление могло сложиться под впечатлением ознакомления с печатными текстами, тенденциозный отбор которых не подлежит сомнению» [Новиков, 1964, с. 32].

Н. В. Новиков писал в послевоенные годы о необходимости фиксации рассказов о войне, объясняя эту работу, прежде всего, свойствами памяти, вследствие чего потомки не будут знать о многих событиях и эпизодах тех лет. «Наряду с песнями, частушками, легендами и анекдотами... в орбиту собирания должны быть включены рассказы о людях и событиях Великой Отечественной войны. <...>...если даже из ста записанных рассказов хотя бы один будет подлинно художественным, то это вполне окупит труд фольклориста. К тому же и другие, малохудожественные и нехудожественные рассказы навряд ли окажутся балластом в руках исследователя (не только фольклориста, но и историка, философа, психолога), поскольку помогут ярче и глубже осветить одну из ярких, героических страниц в истории нашей Родины» [Новиков, 1964, с. 32].

Г. И. Власова в статье «Устные рассказы о войне» на материале хранящихся в архиве Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова воспоминаний участников Великой Отечественной войны, записанных студентами филологического факультета во время фольклорной практики в селах Северного Казахстана, а также в Государственном архиве Астаны и в Доме престарелых, выделила ряд частотных мотивов. Они оказываются универсальными, поскольку применимы к записанным в других республиках бывшего СССР (прежде всего, в России и Белоруссии) текстах. Речь идет о мотивах голода (тяжесть переживания голода, способы борьбы с голодом, перечисление еды), чувства юмора советских солдат, осуждения политики Гитлера обычными немцами, мотиве жестокого обращения немцев с больными и пленными советскими солдатами, проявления чувства гуманизма к противнику в конце войны. Нами зафиксированы тексты о нарушении фашистами международных норм: стрельбе с самолетов по поезду с красным крестом на крыше, расстреле раненых в госпитале. Встречается мотив реализации статуса мирной (редкой) профессии и ученой степени на фронте, но не является частотным по сравнению с остальными. В наших записях из станицы Раздорской он не зафиксирован.

Также ученым выделены описание памятного дня (в т. ч. дня объявления победы), ранений, заботы медперсонала госпиталя. Как сквозные мотивы отмечены воспоминания о детстве, юности, о родных; описание военного эпизода, особенно памятного и незабываемого для рассказчика, окрашенного личными чувствами, эрудицией, опытом; ранения и забота врачей; характеристики военных друзей, восхищение их мужеством; работа и жизнь в тылу; голод и его преодоление; оценка войны и победы [Власова, 2013, с. 163–172].

«Наряду с рассказами-воспоминаниями, встречались произведения, которые переходили уже в предания и легенды; в них устойчивые сюжеты, используются общие мотивы и пр.» [Соколова, 1975, с. 12]. Такие, как, например, нарративы о проявлении советскими солдатами сме-

калки, ловкости, смелости, находчивости – о ментальном (умственном) превосходстве над противником, а не только физическом и духовном.

В послевоенные годы были организованы экспедиции и по сбору казачьего фольклора. «Выяснилось, что песни военных лет еще помнят и поют, причем с минувшей войной связывали и некоторые старые казачьи военные песни. Наиболее же популярны здесь были песни о Сталинграде. Участники экспедиции выявили существенные различия в репертуаре песен периода Великой Отечественной войны у молодежи и у пожилых казаков» [Соколова, 1975, с. 13]. Кроме того, для казачьей культуры «война выступает важнейшим системообразующим началом» [Кринко, 2020, с. 201].

II. Исследование и его результаты

В наши дни «возрастает внимание исследователей к устной истории как методу, благодаря которому можно расширить сформированное представление о войне, увидеть "человека воюющего", понять его чувства, эмоции, настроения, погрузиться в военную повседневность» [Риброва, 2007, с. 237]. Не все охотно делятся воспоминаниями, потому что словно заново переживают страшные события, рассказывая о них. «У каждого из них была "своя" война и забыть о ней каждый тоже старался по-своему» [Сенявская, Сенявский, Жукова, 2017, с. 310]. Немаловажным становится выявление повторяющихся характеристик, эпизодов, позволяющих говорить о типичности тех или иных рассказов. В то же время записанные тексты содержат немало собственно фольклорных жанров, в том числе немного отличающиеся от авторских тексты, ставшие народными песнями.

В воспоминаниях, записанных в Усть-Донецком районе Ростовской области, можно выявить наиболее типичные мотивы воспоминаний. При этом часть из них будет характерна для всех военных мемуаров (прежде всего, это начало, конец войны, бомбежки, отношение немцев к жителям), а часть – непосредственно для данной местности: бомбежка переправы, отношение к беженцам и т. п.

Также можно выделить три слоя, которые явно наличествуют в рассказах:

- мотивы, принадлежащие фольклорной традиции;
- мотивы, характерные для устных рассказов о войне (уровень типических воспоминаний);
- мотивы уникальные, в которых запечатлелся уникальный опыт рассказчиков.

Мы рассмотрим преимущественно распространенные общие и локальные мотивы, отметив некоторые интересные уникальные мотивы.

Локальное в устных рассказах о войне в станице Раздорской

1. Страшные бои за станицу, бомбежки переправы

Многие мотивы, имеющие локальный статус, определены географическим положением населенного пункта, стратегическим значени-

ем территории. «Станица Раздорская много претерпела в войну: почти в центре поселения находилась переправа через Дон, которую бомбили и обстреливали почти постоянно; как вспоминали старожилы, “вокруг переправы несколько лет земля воняла кровью”» [Дианова, 2014, с. 36]. «Здесь, ну, страшные бои были, страшные, потому что люди гибли как мухи. Здесь вот, рассказывают, баржá здесь была, здесь вот на створе, куда-то плыла она, то ли вверх, то ли вниз эта баржá, а её разбомбили, там было человек 200, наверное, и все они погибли, ну, бомбёжка...» [Лагутина]. «Наши Раздоры раза четыре из рук в руки переходили. Где мы жили, страшные немцы были, все воровали, отбирали» [Калитвенцев]. «Наша станица – она три дня переходила с рук в руки – вечером наши, а утром немцы. Мы были там на Базках, а Вы же знаете, там Каргиный куток, на перекрестке. Метр стоит наш солдат, метр – немец, и вот это граница. А потом это нас туда выгнали, там стали стрелять, и тогда мы ушли домой. А вот тут был военный штаб. Здесь государственная линия, военный штаб был» [Томилова].

2. Отношение врага к местному населению

На Дону было особое отношение к местному населению. Фашисты надеялись на то, что недовольные советской властью казаки поддержат их. «Между прочим, немцы как шли, так и прошли. Не бывало такого, чтобы, как в других местах, например, на Украине, Белоруссии, плохо относились к населению. У нас ничего, как работали, так и работали, колхозы были. Немцы заняли, немцы ушли, один там, сколько, может, десяток в райцентре остались семикаракорских, и на Каракоры с райцентра по Дону тогда шли. Двенадцать километров отсюда. Ну вот. Как колхозы были, так и остались. Немцам очень, конечно, была под руку эта у нас колхозная система. Потому что мы знали, что колхозы все равно увозят в элеваторы. Поставка зерна была для государства. Это отработано было всё» [Семёнов].

3. Тяжелая работа

Вспоминали пережившие военное время люди и тяжелую физическую работу. Здесь – строительство казармы. «Делали казарму. Нас расставили по домам, а холодно же, мы по домам были, а потом строили, носили, замесы, камень тягали, строили барак. Барак делали мы, должны привезти репатрированных. Ну, вот немец забирал ребят каких, ну наши же били их – вот это репатрированные ребята. Ну, вот они строили, пригнали их строить. А мы там подносили, замесы делали, камень, известку, песок, цемент» [Галкина].

Таким образом, воспоминания о том, как население сгоняли на строительство дорог, расчистку снега, копание траншей является общим для жителей разных областей страны. «И нас собрали, молодежь, и погнали чистить дорогу немцам: они отступали, а мы чистили» [Александра]. В то же время специфика работ порой является уникальной. Кроме того, воспоминания о тяжелой работе сохранились в нарративах

женщин, молодых девушек и детей, которые в военные годы заменили ушедших на фронт мужчин на лесозаготовках, заводах, в полях.

Уникальное в воспоминаниях о войне

Есть различия в воспоминаниях о первой бомбёжке. У одной рассказчицы они связаны с ощущением голода и оставленным борщом. *«Ну, запомнилось, как раз мы в подвале сидели (у нас домик деревянный был там, внизу), мама борщ сварила, а она как трахнула прямо в дом, брат выскакивает из погреба, бежит: “Мама, там же борщ остался!” Вы понимаете, потому что исть-то хочется. Ну, вот это вспоминаю»* [Чекунова].

Уникальным часто является воспоминание о личном опыте на войне, особенно если это связано с неизвестными широкому кругу особенностями профессии. *«Ну, получалось так, что, пока надо, там, протянуть провода, да еще телефоны были не слишком хорошие, что сразу настроится. А пока время идет. А на войне минута дорога. Да и немцы очень любили к проводам этим приставить свои аппараты и подслушивать всё. А были при штабе вот такие, как я, пацаны. И они что. Дают тебе бумагу папиросную, на ней написан код, и вот приказы, куда что надо отдать, такие пацаны с этими бумажками бегали туда, на передовую, и отдавали. Вот такая связь была. Ну, вот, и одного прихватили немцы, разведка ихняя утащила. Я и говорю: “Ну, давайте я буду бегать”. И я его заменил. Начал тоже таскать эти бумажки. А почему писали на бумаге тонкой, папиросной? Чтобы раз-раз в комочек, и проглотить обязан. Получилось так, что я бежал. У нас карты были, знали, где что находится. Тогда зима была, я в своих валенках еще с дома и в фуфайке. Я бежал, и немцы начали обстрел, минометный обстрел делать. У них хорошее было оружие, шестиствольные минометы. Там шесть стволов, и они свалены в кучу под определенным углом»* [Семёнов].

Уникальной является и находчивость, ставшая дополнением к бдительности. *«Ну, я одного прихватил парашютиста. С документами у них всё в порядке было. У нас форма была. Когда тепло, фуражки были и звездочки. Обыкновенная звездочка. А у них лучистая звездочка, они переборщили. И вот она как раз эта звездочка жизни ему стала. Это первое. А когда открываешь красноармейскую книжку, на первой страничке написано: “Присягу прошел тогда-то, тогда-то”. У нас было на заду, а у них на переду. Это второе. Вот по этим признакам я его и задержал»* [Семёнов]. Об аналогичных случаях молодежь в наши дни знает, например, благодаря эпизоду из фильма «Брестская крепость» (2010), когда предателя узнают по форме мысов сапог.

Общее в рассказах о войне

Повсеместно фиксируются воспоминания о том, как девушки и женщины хоронили погибших солдат – после ухода фашистов из населенного пункта (вопреки распоряжению) или по их приказу. В то же время воспоминания имеют свою специфику. Так, в Архангельской об-

ласти записаны рассказы о том, как девушки грузили в трюм баржи, которые позже затопят, инвалидов войны без рук и ног.

1. Отсутствие одежды

Многие перешивали одежду (прежде всего – детям) из старых вещей. Из немецких маскхалатов, парашютов женщины в станице Раздорской шили юбки, когда нечего было носить. *«Она идёт, и у неё шуршит. И они же старые бабки, они ж до щиколоток шили. <...> Да, ну, вот, танки прикрывали. Знаете, вот, как сейчас форма военная, вот эта зелёная – вот такие они были примерно, только там вместо зелени было чёрное»* [Лагутина].

2. Рассказы о «добрых немцах»

Как и в ряде рассказов, записанных в других районах Ростовской области (и в других регионах), так называемые «добрые немцы», по их словам, воюют с советским народом только потому, что заставило начальство. Иногда они видят во внешности русского ребенка черты сходства со своими детьми. Местные жители нередко различают национальности фашистов по отношению к ним, поведению, внешности: одних считали безвредными (лишь воруют), другими называли зверьми. Точки зрения на то, кто поступал с местным населением более жестоко, зачастую прямо противоположны. *«У немцев много национальностей при себе были. Но они вояки плохие были. Они у них получали деньги. Они наемные были. А наемный не воин»* [Семёнов]. *«Были ж и хорошие немцы. Они бросят нам что-нибудь, а мы кто больше нахватает»* [Калитвенцев]. Зачастую показана субъективная детская оценка: в голодное время на фоне показательных казней, жестокостей, унижений воспринималось как добрый жест, например, когда немцы бросали детям куски, как собакам.

В рассказах о «добрых немцах» (показаны как исключение из правил) обязательно присутствуют собственно «плохие немцы», т. е. враги, полностью соответствующие тому облику, который создан действительностью в связи с реальными обстоятельствами. Кроме того, во многих текстах речь идет о том, как фашисты подманивали малышей сладостями, а потом били их, воспринимая это как забаву. Есть и примеры того, как те самые люди, которые подкармливали детей и шутили с ними, при отступлении становились их палачами. Могли враги использовать детей и женщин и как живой щит, прикрываясь ими.

«Детей расстреливали. Все это было, были покойники, чего там говорить. Но, знаете, они не сами расстреливали, а когда русские начинали стрелять, они подстанавливали.

- А без разбору брали? Всех?

- Немцы всех брали, заходили в хату, выгоняли и гнали. Я не знаю, были у них разбор» [Чекунова].

3. Грабежи и убийства фашистами местных жителей, боязнь инфекций

Общими для всех оккупированных территорий являются рассказы о грабежах фашистами местного населения. *«Ну, они всё-всё, мелочь всякую, даже могли простыню и полотенце у тебя отобрать. Но мы в сарае выкопали яму. Ну, такой сарай был, то ведра там хранили... И там все закопали, остались матрасы, какие-то подушки и всё. Остальное всё закопали, утрамбовали, травой засыпали – вроде там ничего и нет. Вот так. Отбирали! Кто припрятал – значит, осталось, кто не припрятал – отобрали. Всё отбирали: и одежду забирали, подсвечники, у кого чего»* [Томилова]. С рассказами о несправедливостях, творимых немцами, а зачистую – о жестокостях и зверствах фашистов соседствуют рассказы о том, как местному населению удавалось перехитрить врагов, например, как сказано ранее, выводили к оккупантам кур с голой шеей. Это связано с представлением о боязни немцев получить инфекцию. Девушки придумывали себе болезни, чтобы фашисты обходили их стороной. *«Ну, она бросает на меня хурду, и ляжет на меня, и кричит: "Ой, зубочки, ой, зубочки болят!". А они-то не подходят у ней. А если бы они подошли и пхнули бы ее – а я вот она»* [Байдалакина].

В рассказах, записанных в других областях России, также есть примеры обмана населением врага. Так, немец не забрал выпачканного навозом поросёнка: побрезговал. Отцепили от состава, везущего в Германию угнанную молодежь, вагон с притворившимися больными людьми (хотя могли убить всех находившихся в нем). Многие жители оккупированной территории зарывали вещи в землю, но нередко враги находили спрятанное добро, могли за утаенное имущество наказать, даже казнить. Различаются конкретные реализации мотивов. Девочек не угнали в Германию, так как они натирали свои царапины на лице соком одуванчика, чтобы были нарывы. Нередко мужчин переодевали в женскую одежду. В одном из случаев мать спрятала сына в бочке. *«А как-то немца убили, а полицией заходит в подвал, мы ж все в подвале сидели. "Мужчины есть?" Выводит – и убивают их. А один парень платок одел и остался. 7 человек расстрелял. Всех стянул в кучу и заминировал. А потом наши когда пришли, их разминировали и похоронили. В тряпку замотали – гробы что ль были? Не было гробов, – и закопали. Да хоть на кладбище отвезли, а то ж дома хоронили»* [Валентина].

Девушек, чтобы спасти от приставаний врага, переодевали в старушечью одежду, выбирали погрязнее, мазали лицо сажей, зная брезгливость немцев к грязи. *«Мы и здесь в Раздорах нагляделись на этих немцев! Что они тут творили! И девушек изнасиловали. Соседка 15 года была, мать её. Так они нас одели, юбки делали длинные, кофты, понакрасили нас, страшно было»* [Самсонова]. *«В общем, дурочек сделали с них, чтобы немцы их не доставали»* [Самсонов].

В то же время записаны рассказы о том, как наши люди погибали по глупости. Например, женщина вспоминала, как её однополчане на радостях, узнав о конце войны, выпили бочку технического спирта,

что закончилось летальным исходом. Иногда радость победы оказывалась преждевременной. *«Немцы-то уходили. А мы остались. Мой дед глупый, зеленую военную одежду одел и открыл окно, а тут немец увидел да и убил. А бабка за ним вышла, он и ее убил. Так они умерли почти в один день»* [Калитвенцев]. В данном эпизоде непривычное смысловое наполнение – сугубо отрицательное – получила фраза «и умерли в один день», которой обычно заканчиваются сказки.

В местах боев в военное и послевоенное время записаны рассказы о смерти из-за детского любопытства, когда мальчишки бегали посмотреть на врага, самостоятельно пытались вскрыть мины. Также подрывались на полях и в лесу взрослые. *«А вот во дворе на земле лежали маленькие гранатки: зеленые, красные, голубые. Я подняла штуки три, думала, это игрушки, и принесла показать. У меня их забрал соседский парень и сказал, чтобы я не поднимала, может разорваться и убить. Но они были очень красивые, и многие дети подрывались на них»* [Калитвенцева].

Иногда попытки обмануть немцев оказываются напрасными. Девушка прятала от врагов гитару, на которой так и не научилась играть. *«От немцев хоронила, и дождь пошел, а я жмыхом от картошки, мусором накрыла от немцев, а дождь пошел, и она намочла и расклеилась. Вот они песни»* [Галкина].

Записаны в разных регионах и рассказы о попытках врага обмануть советских воинов. Переодетых в шкуру коровы немцев вычислили, так как «корова» не щипала траву и кружила на одном месте [Элиасов, 1956, с. 221]. Или «старушка» слишком быстро шла [Ковалев, 1996, с. 220].

Переправа имела стратегическое значение. Немцы прятались и маскировались, когда наши войска наступали: *«Они умудрялись, немцы, ружья – дети у них, сами передевались в женское»* [Куклина]. *«Выгоняли когда немцев, всех они расстреливали. А потом нашим запретили расстреливать. Был немец, переодетый в женскую одежду. Немцы крали лошадей. И их незаметно. Это зимой было. Мы встаём утром – видим вдалеке кучки чёрные, а это они перебегают»* [Куклина, Алпатьева].

Непосредственно с фольклорной традицией связаны тексты, отражающие приметы, поверья военных лет, знамения, гадания о судьбах близких людей, нарративы о вещих снах и о чудесном спасении, обрядовые практики. Так, рассказы о крестных ходах «уходят корнями в древние обрядовые практики русских крестьян и казаков» [Рыблова, Архипова, 2021, с. 221]. Подобные записи сделаны студентами филологического факультета МГУ в ходе экспедиций в разные регионы России, в том числе в Ростовской области.

К сожалению, не все собиратели из числа впервые проходящих полевую практику студентов своевременно и добросовестно оформили паспорт исполнителя, отсюда – отсутствие ряда важных сведений о многих информантах, а порой и «детское» оформление их («Калитвенцев», «баба Валя, 1934 г. рожд.», «баба Шура, 84 года», «Анна Львовна Самсонова и её сын Александр Васильевич Самсонов, который постоянно вклинивался в беседу. Федосья Фроловна, 1920 г. р.», «Любовь

Николаевна, натуральная казачка, род. в Раздорах, 1929 г.», «Мария Васильевна Куклина 1926 г. р. и Алпатьева Вера Матвеевна»). Создают определенные трудности записи, в которых интервьюер не уточняет написание (или хотя бы произношение), значение незнакомых слов, в том числе диалектных. В данной статье приведены записи рассказов, сделанные в станице Раздорской (отдельно в списке информантов это не дублируется). Тем не менее, зафиксированы и расшифрованы с диктофона записи о войне ее очевидцев, современников, участников, что важно для сохранения и увековечивания памяти о войне, пополнения архива записями о войне для дальнейших исследований. В слушателях рассказов о войне в лице молодых людей, ровесников внуков и правнуков информанта, пережившие военные события видят тех, кого надо научить, отсюда подробное объяснение реалий недавнего прошлого. «Ориентация на обращение к прошлому, общение с молодыми людьми (студентами) актуализирует дидактическую функцию рассказа и усиливает противопоставление тяжелого (военного) и легкого (нынешнего, мирного) времени» [Власкина, 2010, с. 200]. Многие рассказчики, «дети войны», ныне преклонного возраста, ранее отсылавшие приходящих послушать историю их жизни к ветеранам («они больше знают», «вам к старикам надо»), сейчас сами стараются рассказать о том времени всем желающим (особенно если родные не интересуются этой темой), боясь не успеть. Они переживают, что если не сделают этого, их сверстники тоже могут не рассказать молодежи о «священной войне». Тем более что для каждого война была «своя»: ее переживали по-разному, хотя и вспоминают часто, что чувствовали себя одним народом, одной большой семьей, дающей отпор врагу.

III. Заключение

Таким образом, можно свести к трем группам наиболее распространенные мотивы, выделенные в рассказах о Великой Отечественной войне:

- мотивы, принадлежащие фольклорной традиции, т. е. общие для многих фольклорных, речевых и художественных жанров, зачастую связанные с представлением о взаимодействии с потусторонними силами, помощью свыше или вмешательством персонажей низшей демонологии (проводы на войну, вещие сны, приметы, гадания о судьбах людей, знамения, крестные ходы, чудесное спасение благодаря сакральному предмету и проч.), данные мотивы, как правило, встречаются в рассказах о других войнах, в т. ч. I Мировой, локальных конфликтах XX столетия;

- мотивы, характерные для устных рассказов о войне, так называемые общие места (сравнение военного детства и жизни современных детей, сетование на отсутствие цели, мотивации, патриотизма у многих представителей современной молодежи, досада на сограждан за зарастающие поля или уголья, которые некогда обрабатывали с огромным трудом) и по которым молодежь позволяет себе безнаказанно кататься на мотоциклах и квадроциклах);

- мотивы уникальные, в которых запечатлелся уникальный опыт рассказчиков (обман врага, особенности профессии, специфическая реализация общеизвестной приметы).

Данные группы пересекаются. Так, например, в разных регионах есть записи об обмане врага (который нередко раскрывается) благодаря переодеванию девушек в одежду старух, но единичны (уникальны) воспоминания о том, как подружки притворились сумасшедшими, чтобы их не угнали в Германию. Кроме того, в одном тексте (особенно если это расшифровка многочасовых бесед) могут встречаться мотивы разных групп.

Список источников

Васильев И. Ю. Фашистская оккупация в рассказах старожилов кубанских станиц // Живая старина. 2014. № 3. С. 32–35.

Власкина Т. Ю. Война в устных нарративах из архива кафедры общего и сравнительного языкознания ЮФУ // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН. 2010. С. 198–203.

Власова Г. И. Устные рассказы о войне // Простор. 2013. № 5. С. 163–172.

Дианова Т. Б. Рассказы о Великой Отечественной войне Анны Александровны Давыдыч (станция Раздорская Усть-Донецкого района) // Живая старина. 2014. № 3. С. 36–37.

Ковалев Е. М. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Моск. высш. шк. социал. и экон. наук; сост. и обраб. Е. М. Ковалев. М.: Аспект пресс, 1996. 411 с.

Кринко Е. Ф. Устная история Великой Отечественной войны: институционализация и результаты исследований на юге России // Исторический курьер. 2020. № 5. С. 196–215.

Кринко Е. Ф. Человек на войне: что о нем пишут исследователи и что он сам рассказывает о себе // Новое прошлое. The New Past. 2020а. № 4. С. 8–24.

Новиков Н. В. Советские фольклористы и современность // Проблемы современного народного творчества. Русский фольклор. М.;Л., 1964. Т. IX. С. 32. 25–38.

Реброва И. В. Великая Отечественная война в памяти фронтового поколения: на материалах устных воспоминаний // Науки о культуре в новом тысячелетии: материалы I Международного коллоквиума молодых ученых. М.; Ярославль: Изд-во ЯГПУ. 2007. С. 237–240. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.org/oh/lit/articles/t41601/> (дата обращения 10.03.2022).

Рыблова М. А., Архипова Е. В. Традиция в условиях военной экстремальности // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 1. С. 216–228. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.19>

Сенявская Е. С., Сенявский А. С., Жукова Л. В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии / под общ. ред. Е.С. Сенявской; Институт российской истории РАН. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив. 2017. 422 с.

Соколова В. К. Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны // Советская этнография. 1975. № 3. С. 7–14.

Элиасов Л. Устные рассказы забайкальцев о двух войнах. Записи, вступ. статья и примеч. Л. Элиасова. Улан-Удэ, 1956. 299 с.

Информанты

Александра, 84 года
Алпатьева Вера Матвеевна
Байдалакина Галина Стефановна, 1926 г.р., 7 классов.
Валентина, 1934 г. р.
Галкина (Лемешева) Елизавета Алексеевна, 1925 г. р., 6 классов
Калитвенцев
Калитвенцева Валентина Васильевна
Куклина Мария Васильевна, 1926 г. р.
Лагутина Раиса Петровна
Самсонов Александр Васильевич
Самсонова Анна Львовна, 1925 г. р.
Семёнов Александр Фёдорович
Семёнов Александр Фёдорович, 1926 г. р.
Томилова Клавдия Даниловна
Чекунова Вера Николаевна

References

Dianova T. B. (2014) Stories about the Great Patriotic War by Anna Alexandrovna Davydych (Razdorskaya stanitsa, Ust-Donetsk district). *Zhivaya starina*. No. 3. pp. 36-37 (In Russian).

Eliasov L. (1956) *Oral stories of Transbaikalians about two wars. Entries, introduction article and note by L. Eliasov*. Ulan-Ude. 299 p. (In Russian).

Kovalev E. M. (1996) *Voices of peasants: Rural Russia of the XX century in peasant Memoirs*. Moscow higher school of social and economic sciences; comp. and processed by E. M. Kovalev. Moscow, Aspect press. 411 p. (In Russian).

Krinko E. F. (2020) Oral history of the Great Patriotic War: institutionalization and research results in the South of Russia. *Historical Courier*, no. 5. pp. 196-215 (In Russian).

Krinko E. F. (2020a) A man at war: what researchers write about him and what he tells about himself. *The New Past*, no. 4. pp. 8-24 (In Russian).

Novikov N. V. (1964) Soviet folklorists and modernity. *Problems of modern folk art. Russian folklore*. M.-L., Vol. IX. pp. 32. 25-38 (In Russian).

Rebrova I. V. (2007) The Great Patriotic War in the memory of the front-line generation: on the materials of oral memoirs. *Science of culture in the new millennium: materials of the I International Colloquium of Young Scientists*. Moscow; Yaroslavl: Publishing House of Yaroslavl State Pedagogical University. pp. 237-240. Available at: <http://militera.org/oh/lit/articles/t41601/> (accessed 10.03.2022). (In Russian).

Ryblova M. A., Arkhipova E. V. (2021) Tradition in conditions of military extremity. *Bulletin of the Volga. Series 4. History. Regional studies. International Relations*, vol. 26, no. 1, pp. 216-228. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.19> (In Russian).

Senyavskaya E. S., Senyavsky A. S., Zhukova L. V. (2017) *Man and frontline everyday life in the wars of Russia of the XX century: essays on military anthropology; under the general editorship of E. S. Senyavskaya*. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Institute of Russian History of

the Russian Academy of Sciences: Center for Humanitarian Initiatives. 422 p. (In Russian).

Sokolova V. K. (1975) From the history of the study of folklore of the Great Patriotic War. *Soviet Ethnography*, no. 3. pp. 7-14 (In Russian).

Vasiliev I. Yu. (2014) The fascist occupation in the stories of the old-timers of the Kuban villages. *Zhivaya starina*, no. 3, pp. 32-35 (In Russian).

Vlaskina T. Yu. (2010) War in oral narratives from the archive of the Department of General and Comparative Linguistics of the SFU. *The Great Patriotic War in the space of historical memory of Russian society: Materials of International Scientific Conference (April 28-29, 2010, Rostov-on-Don – Taganrog)*. Ed. by G.G. Matishov. Rostov-on-Don: Publishing House of the YUNTS RAS, pp. 198-203 (In Russian).

Vlasova G. I. (2013) Oral stories about the war. *Prostor*, no. 5. pp. 163-172 (In Russian).

Respondents

Alexandra, 84 years old

Alpatyeva Vera Matveevna

Baydalakina Galina Stefanovna, born in 1926, 7th grade.

Chekunova Vera Nikolaevna

Galkina (Lemesheva) Elizaveta Alekseevna, born in 1925, 6th grade

Kalitvensev

Kalitventseva Valentina Vasilyevna

Kuklina Maria Vasilyevna, born in 1926

Lagutina Raisa Petrovna

Samsonov Alexander Vasilyevich

Samsonova Anna Lvovna, born in 1925

Semenov Alexander Fedorovich

Semenov Alexander Fedorovich, born in 1926

Tomilova Claudia Danilovna

Valentina, born in 1934

Сведения об авторе

Лицарева Александра Федоровна – преподаватель; Московский колледж управления, гостиничного бизнеса и информационных технологий «Царицыно», соискатель филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, alya-alya@yandex.ru

Information about the author

Aleksandra F. Litsareva – teacher; Moscow College of Management, Hotel Business and Information Technologies “Tsaritsyno”, Candidate of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University, alya-alya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 17.06.2022.

The article was submitted 15.05.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 17.06.2022.